

шись в меньшинстве, теряя сторонников, они покинули съезд, сложили свои полномочия и тем самым ещё более укрепили позиции большевиков. После речи Троцкого, в которой он резко критиковал позицию Мартова и его сторонников, возмущенные меньшевики-интернационалисты также удалились.

Ленин выступил с воззванием, которое провозгласило установление в России власти Советов: «Съезд постановляет: вся власть на местах переходит к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов...». Вечером 26 октября съезд принял первые документы новой власти – декреты «О мире» и «О земле», а также образовал временное «рабоче-крестьянское» правительство – Совет Народных Комиссаров (СНК), состоявшее в основном из большевиков, поскольку оставшиеся на съезде левые эсеры⁷⁰ с вопросом о вхождении в СНК еще не определились. Председателем СНК стал В.И. Ленин.

Но ничего ещё не было кончено...

Только ещё всё начиналось. Если в конце августа Корнилов и «корниловцы» выступали против законного правительства, то теперь, во всяком случае, формально, они боролись бы с большевиками и Советами, как с мятежниками, с целью законную власть восстановить. «Корниловцы» были смяты, разобщены, раздавлены. Но ещё не добиты. И теперь у них были развязаны руки.

2.2. Бегство Керенского. Краснов под Петроградом

Утром 25 октября на очередном заседании правительства министр-председатель заявил о своём намерении покинуть дворец. Керенский по его словам «решил... лично встретить подходившие... войска». Трудно сказать, действительно ли он рассчитывал вернуться в Петербург триумфатором во главе верных ему войск. Или же, убедившись, что дело проиграно, Александр Фёдорович думал в первую очередь о том, как ускользнуть из

⁷⁰ Союз партий наметился ещё до Октября. Большевики нуждались в левых эсерах не только для обеспечения устойчивого большинства в представительных органах, но и по той причине, что, в отличие от «ленинцев», левые эсеры пользовались серьёзным влиянием в деревне.

рук большевиков. Так или иначе, но в 11 часов 25 октября Керенский покинул столицу⁷¹.

Около 10 часов утра из Зимнего был командирован офицер с целью найти для министра-председателя автомобиль. Встретив одного из секретарей посольства Соединённых Штатов, офицер изложил ему просьбу одолжить одну из машин посольства. Просьба была исполнена. Автомобиль Керенскому был предоставлен. Когда на Дворцовую площадь выехала машина с американским флажком на капоте, красногвардейские патрули её пропустили.

Керенский вскоре прибыл в Гатчину. Никаких войск, вызванных с фронта в столицу, там не оказалось. Местный гарнизон о бегстве Главковерха был уже извещён. Солдаты митинговали и вполне могли арестовать его. Заправив автомобиль, Александр Фёдорович проследовал дальше и к вечеру прибыл в Псков, где располагался штаб Северного фронта. Здесь он узнал, что ещё днём Командующий фронтом генерал от инфантерии В.А. Черемисов⁷² приказ о направлении войск в столицу отменил. Более того, на совещании в штабе у комиссара фронта В.С. Войтинского⁷³ было принято решение о создании Северо-Западного военно-революционного комитета, которому поручалось принять все меры против отправки частей в Петроград.

В этих условиях Керенский не рискнул обращаться к Черемисову, а направился к генерал-квартирмейстеру В.Л. Барановскому⁷⁴, который сообщил, что из Петрограда уже получе-

⁷¹ Полномочия «по водворению порядка в столице» с подчинением всех военных и гражданских властей были переданы министру государственного призрения кадету Н.М. Кишкину.

⁷² Не следует думать, что генерал Черемисов был лоялен по отношению к большевикам. Как военный человек он понимал, что сделать уже ничего нельзя. Но не это главное. Черемисов, видимо, в ещё меньшей степени симпатизировал как Керенскому, так и левосоциалистическим партиям. Вот его слова: «Пресловутый «Комитет спасения революции» принадлежащий к партии, которая около 8 месяцев правила Россией и травила нас, командный состав, как контрреволюционеров, а теперь поджала хвосты, распустила слюни и требует от нас, чтобы мы спасли их... Картина безусловно возмутительная».

⁷³ Комиссара, назначенного Временным правительством.

⁷⁴ В бытность Керенского военным и морским министром генерал Барановский занимал должность начальника его кабинета.

но сообщение арестовать экс-премьера. Деваться было некуда. Керенский вызвал к себе Черемисова. Командующий всё сказанное Барановским подтвердил и сообщил, что верных войск для посылки в столицу не имеет, и более того, гарантировать безопасность самого Керенского не может. В час ночи 26 октября после очередного заседания ВРК Черемисов вновь прибыл на квартиру Барановского, вновь подтвердил, что никакой помощи оказать не может, и посоветовал Керенскому выехать в Ставку, так как в Пскове его арест остаётся лишь делом времени.

Надо вновь отдать должное Александру Фёдоровичу. При всём при том, в критической, совершенно безнадёжной ситуации, у него нашлись и неожиданная воля, и целеустремлённость, и здравый смысл. Впрочем, не требовалось особого ума, чтобы понять, из Ставки, даже и доберись до неё смещённый диктатор, шансов организовать наступление войск на столицу не было никаких. Керенский решил направиться в Остров, где размещался штаб 3-го конного корпуса. Но перед рассветом к

П.Н. Краснов

нему сами прибыли командир корпуса генерал П.Н. Краснов с исполняющим обязанности начальника штаба корпуса полковником С.П. Поповым.

Краснов доложил, что не поверил подлинности приказа об отмене выдвижения на Петроград и приехал в Псков удостовериться во всём лично. Генерал прибыл в штаб фронта и потребовал от Командующего письменного распоряжения. Разговор происходил у дверей кабинета, где проходило заседание ВРК. Черемисов письменного приказа не дал, посоветовал Краснову отбыть обратно в Остров и ничего не предпринимать. Краснов направился к Войтинскому, которого знал ещё со времён Корниловского выступления. После долгого ожидания, обусловленного тем, что комиссар несуществующего уже Временного правительства находился на том же совещании вновь созданного ВРК, Войтинский со-

общил, что Керенский находится в городе, и попросил направиться к нему.

Несколько слов о самом корпусе. Когда отзвуки Корниловского выступления начали постепенно стихать, 3-й конный, в состав которого входили 1-я Донская и Уссурийская казачьи дивизии⁷⁵, перевели под Остров, куда он прибыл 28 сентября. За месяц, несмотря на протесты Краснова, из корпуса изъяли больше половины личного состава. 6 октября штаб Северного фронта отдал приказ направить по две сотни с двумя орудиями в Старую Руссу, Торопец и Осташков. Для обеспечения этой директивы был выделен в полном составе 1-й Уссурийский полк. 8 октября 13-й и 15-й Донские полки были направлены в Ревель⁷⁶. 9 октября Приморский драгунский полк в полном составе при двух орудиях передислоцировали в Витебск. 21 октября от Краснова потребовали выделить шесть сотен при двух орудиях для наведения порядка в г. Боровичи⁷⁷. Пошли Уссурийский дивизион и четыре сотни 1-го Амурского. Кроме того, две сотни с двумя орудиями 10-го Донского полка были направлены в Торопец и Новгород. К 22 октября в подчинении у Краснова в районе Острова оставались 9-й Донской полк, 1-й Нерчинский, четыре сотни 10-го Донского и две сотни 1-го Амурского полков. Всего 18 казачьих конных сотен при 16 орудиях.

В двадцатых числах октября на фронте 51-я пехотная дивизия I армии отказалась идти на смену 184-й дивизии. Узнав об этом, солдаты последней покинули окопы. Вмешательство армейского и корпусного комитетов ни к чему не привело. Приказом за подписью Командующего фронтом и комиссара фронта 51-ю дивизию предлагалось расформировать. Выполнение приказа возлагалось опять же на Краснова. 23 октября

⁷⁵ В их составе: 9-й, 10-й, 13-й, 15-й Донские, 1-й Нерчинский, 1-й Амурской, 1-й Уссурийский казачьи полки по шесть сотен в каждом, Приморский драгунский полк (шесть эскадронов), Уссурийский казачий дивизион (две сотни), шесть Донских и одна Амурская батареи. Всего сорок четыре казачьих сотни и шесть драгунских эскадронов при двадцати восьми орудиях.

⁷⁶ Таллин.

⁷⁷ В Боровичском гарнизоне солдаты убили командира полка и начальника гарнизона и начали грабить торговые лавки.

Краснов отдал приказ об отправке всего корпуса в район Вендена и на следующий день телеграфировал в штабы фронта и I армии, что погрузка личного состава в эшелоны началась⁷⁸, но передислокация займёт три дня, и просил командование срочно вернуть ему части корпуса из Торопца, Осташкова и Витебска.

Однако выдвигание ещё не началось, как на рассвете 25 октября в корпус за подписью Керенского и замещающего должность председателя Союза казачьих войск войскового старшины А.Н. Грекова поступила телеграмма:

«Приказываю с получением сего все полки 1-й Донской казачьей дивизии со всей артиллерией, находящейся на Северном фронте под общей командой начальника 1-й Донской казачьей дивизии направить по железной дороге в Петроград на Николаевский вокзал в распоряжение главного начальника Петроградского округа полковника Полковникова. О времени выступления донести мне шифрованной телеграммой. В случае невозможности перевозки по железной дороге части направить поэшелонно походным порядком».

Подтверждая приказ Керенского, тут же прибыло и воззвание комиссара Северного фронта, в котором Войтинский⁷⁹ требовал:

«Передайте донцам...

Временное правительство в полном согласии с Центральным комитетом Советов рабочих и солдатских депутатов стягивает в Петроград верные революции и долгу перед родиной войска. Петроградские полки, упорно отказывавшиеся от выступления на фронт под предлогом защиты свободы в тылу, оказались неспособными оградить Петроград от бесчинств и анархии. Создалась опасность срыва Учредительного собрания.

⁷⁸ Погрузиться успели четыре сотни 10-го Донского полка.

⁷⁹ На заседании ВРК на вопрос, признаёт ли он власть Северо-Западного Военно-революционного комитета, приободрившийся за ночь Войтинский ответил:

– Подчиняюсь только Центральному исполнительному комитету, который требует войск...

Позже выехал в расположение 3-го конного корпуса.

В числе других войск, призванных в этот грозный час на спасение России, одно из первых мест занимают казачьи полки.

Пусть злобствуют против казаков окопавшиеся в тылу дезертиры, но казаки свой долг перед родиной исполнят до конца».

На основании полученных директив в 19 часов 25 октября Краснов предыдущий приказ от 23 октября отменил. Генерал оставлял на месте штаб Уссурийской дивизии, 1-й Нерчинский полк и 1-ю Амурскую батарею. 9-й Донской направил на погрузку, четыре сотни 10-го Донского оставил в эшелонах на Островской станции. Остальным полкам и сотням 1-й Донской дивизии Краснов приказывал «немедленно грузиться в Острове, Ревеле, Паллифере, Торопце и следовать через Нарву и Псков в Александровскую, где ждать сосредоточения всей дивизии в районе Пулково – Царское Село. При невозможности дойти по железной дороге – пробиваться к означенным пунктам целыми полками походом и боем с того места, где придётся выгрузиться».

Около полуночи эшелоны должны были проследовать в Петроград. Однако в 23 часа 25 октября выяснилось, что начальник станции получил распоряжение начальника военных сообщений генерала Кондратьева эшелоны из Острова не отправлять. Краснов позвонил в штаб фронта. Там ему подтвердили, что приказ выгружать дивизию и оставить её в районе Острова отдал лично Командующий Северным фронтом генерал Черемисов. Краснову происходящее показалось подозрительным. В сопровождении полковника Попова он немедленно выехал на автомобиле в Псков, разбираться.

Керенский после доклада Краснова почувствовал хоть и зыбкую, но всё же хоть какую-то почву под ногами. Краснов подтвердил готовность выступить на Петроград, но высказал пожелание подкрепить корпус пехотными частями. Тут же Керенский приказал Барановскому обеспечить сосредоточение разбросанных на значительной территории частей 3-го конного корпуса, придав ему 37-ю пехотную, 1-ю кавалерийскую дивизию и весь XVII армейский корпус. На вопрос Керенского, достаточно ли этих сил, Краснов ответил:

– Да, если всё это соберётся и если пехота пойдёт с нами, Петроград будет занят и освобождён от большевиков.

Барановский передал приказ в Ставку, а Керенский в сопровождении Краснова проследовали в Остров в штаб корпуса. Ставка, уже осведомлённая о взятии Зимнего дворца, вела лихорадочные переговоры с Командующими фронтами. Командующие сообщали, что надёжных частей нет. Лишь на Румынском фронте готовы были сформировать сводную дивизию, но с существенными оговорками. В защиту Учредительного собрания дивизия выступит, в поддержку персоналий Временного правительства – нет. Становилось очевидным, если Краснов и сможет двинуть корпус на Петроград, он останется в одиночестве. Правда, в ночь на 26 октября в помещении городской Думы в Петрограде был оформлен так называемый «Комитет спасения родины и революции», связались друг с другом Алексеев, Савинков и новый председатель Союза казачьих войск есаул Донского войска А.П. Аникеев⁸⁰, но всё это было работой на перспективу. Большевики, в отличие от всех, в том числе, и от «Комитета», располагали сколоченными – вооружёнными отрядами. И вопрос, удержатся ли они у власти или будут вытеснены в первые же часы, теперь уже разрешался исключительно военной силой. А в качестве таковой на стороне Керенского мог выступить только лишь 3-й конный корпус генерала Краснова.

Краснов, как и большинство фронтовых генералов, по понятным причинам недолго любил Керенского. Вот его убийственная характеристика Верховного, а заодно и ответ на вопрос, почему всё же генерал без колебаний связал с ним свою судьбу и судьбу сотен своих сослуживцев и подчинённых:

«Я никогда, ни одной минуты не был поклонником Керенского. Я его никогда не видал, очень мало читал его речи, но всё мне было в нем противно до гадливого отвращения.

Противна была его самоуверенность и то, что он за всё брался и всё умел. Когда он был министром юстиции, я молчал. Но, когда Керенский стал военным и морским министром, все воз-

⁸⁰ Прежний председатель А.И. Дутов был избран войсковым кругом Атаманом Оренбургского казачьего войска и убыл из столицы.

мутилось во мне. Как, думал я, во время войны управлять военным делом берется человек, ничего в нем не понимающий! Военное искусство – одно из самых трудных искусств, потому что оно помимо знаний требует особого воспитания ума и воли. Если во всяком искусстве дилетантизм нежелателен, то в военном искусстве он недопустим.

Керенский – полководец!.. Петр, Румянцев, Суворов, Кутузов, Ермолов, Скобелев... и Керенский.

Он разрушил армию, надругался над военной наукою, и за то я презирал и ненавидел его.

А вот иду же я к нему эту лунною волшебною ночью, когда явь кажется грезами, иду, как к Верховному главнокомандующему, предлагать свою жизнь и жизнь вверенных мне людей в его полное распоряжение?

Да, иду. Потому что не к Керенскому иду я, а к родине, к великой России, от которой отречься я не могу. И если Россия с Керенским, я пойду с ним. Его буду ненавидеть и проклинать, но служить и умирать пойду за Россию. Она его избрала, она пошла за ним, она не сумела найти вождя способнее, пойду помогать ему, если он за Россию...»

Краснов не питал особых симпатий к Керенскому, но куда больше ненавидел большевиков. И против них готов был выступить с кем угодно, и с чем угодно.

К Острову подъехали на рассвете. По дороге Краснов завернул в город начавшие было расходиться по местам квартирования сотни 9-го Донского полка. В здании офицерского собрания Керенский выступил перед представителями полковых комитетов. Александр Фёдорович, казалось, забыл, в каком положении находится. Речь его, насыщенная всё теми же избитыми фразами и давно потерявшими привлекательность призывами, тонула в пустоте. Тем не менее, комитетчики в массе своей смотрели на Керенского безо всякой злобы, скорее с доброжелательным любопытством. Урядника Амурского полка, выкрикнувшего с места несколько фраз в пользу большевиков, вывели из комнаты.

К полудню под охраной взвода казаков прибыли на станцию,

погрузились в эшелон. Однако железнодорожники отправлять составы не спешили. Паровозы маневрировали поодаль, не приближаясь. Видимо о том, чья в итоге возьмёт у них были свои представления. На путях скапливались постепенно солдаты гарнизона, настроенные явно враждебно.

Начальник конвоя командир Енисейской сотни Коршунов, работавший когда-то помощником машиниста, стал с двумя казаками на паровоз и около 15 часов 26 октября, наконец, тронулись. Набрав воды на одном из полустанков перед городом, Псков проскочили на полном ходу, не останавливаясь. И здесь, на путях станции Псков-товарная собралась густая толпа солдат гарнизона, но до перестрелки дело не дошло.

Со встречным поездом прибыли офицеры из Петрограда. Сотник Карташов доложил Краснову о положении в столице, причём доклад выглядел весьма оптимистично. Обрадованный Керенский протянул Карташову руку, однако сотник, вытянувшись по стойке «смирно» свою в ответ не подал. В ответ на замечание Верховного Карташов ответил, что он – «корниловец» и руки министру-председателю подать не может.

Позже Керенский сообщил Краснову, что назначает его Командующим «армией, идущей на Петроград». Генерал не смог сдержать улыбки. Под рукой у него было неполного состава шесть сотен 9-го Донского полка и четыре 10-го Донского. Всего около 700 человек.

На рассвете 27 октября прибыли на станцию Гатчина-товарная. Сюда же из Новгорода есаул Ушаков привёл эшелон 10-го Донского полка. Две сотни при двух орудиях. Ушаков доложил, что «пробился силой».

Направленная в город разведка донесла, что на станции Балтийской железной дороги разгружается красногвардейский отряд. Краснов с тремя сотнями казаков направился к станции. На перроне строилась тем временем прибывшая из Петрограда «большевистская» часть. Это была рота лейб-гвардии Измайловского полка и приданная команда матросов. Казаки окружили станцию, выкатили на пути орудие для стрельбы прямой наводкой. К выстроенной роте подбежал начальник конвоя

Коршунов с восемью казаками-енисейцами. После недолгих переговоров солдаты сложили оружие. В это же время другие казачьи сотни захватили и станцию Варшавской железной дороги, без выстрела разоружив роту солдат.

Всех пленных, а их было несколько сот человек, Краснов приказал отпустить на «все четыре стороны» и вовсе не из соображений гуманности. «Их некуда было девать... – пишет генерал, – ...их нечем было кормить, потому что базы и тыла у нас не было. Отправлять в Лугу? Но отношение Луги к нам неизвестно. Посылать в Псков? Но Псков явно враждебен к нам. Оставалось распускать их, надеясь, что они распылятся, разойдутся по своим деревням, на несколько дней станут безопасны. А там подойдет XVII корпус, и можно будет их или снова мобилизовать или, если будет надо, посадить за проволоку».

Так или иначе, Гатчина никакого сопротивления не оказала. Керенский уже находился в Гатчинском дворце. Александр Фёдорович так ничего и не понял. Даже и сейчас от образа «любимца публики» Верховный отказываться решительно не собирался. Когда Краснов прибыл для доклада, Керенский в компании адъютантов и коменданта дворца обедал. Тут же присутствовали и невесть откуда взявшиеся две нарядно разодетые, красивые дамы. Краснов предложил перейти в другую комнату.

Выслушав доклад, Керенский потребовал немедленного продвижения к столице. Краснов пояснил, что без подхода «хотя бы своих эшелонов» наступление невозможно. Из Петрограда начали прибывать юнкера и офицеры. Немало было и гражданских лиц. Сведения, полученные Красновым о ситуации в столице и окрестностях⁸¹ были противоречивы. Впрочем, тот факт, что Зимний дворец взят, и Временное правительство арестовано, сомнений уже не вызывал. Ходили слухи, что казачьи полки, расквартированные в столице, готовы выступить навстречу. Прибыла в Гатчину даже делегация от 1-го Донского полка, но общего языка с комитетом 1-й Донской дивизии не нашла. О совместных действиях договориться не удалось.

⁸¹ Жена Краснова гостила в эти дни у подруги в Царском Селе. Генерал связался с ней по телефону и получил сведения о сосредоточении и выдвижении советских войск.

Не проявляли особого желания присоединиться к корпусу и части Гатчинского гарнизона. Даже и начальство школы прапорщиков выступить с Красновым отказалось категорически, взяв на себя лишь обеспечение порядка в городе. Лишь офицеры авиационной школы без раздумий присоединились «к армии», но за солдат не ручались⁸².

За весь день 27 октября в Гатчину прибыли эшелоны с ещё двумя сотнями 9-го Донского полка, полусотней 1-го Амурского полка, пулемётной командой и штабом Уссурийской конной во главе с начальником дивизии полковником Хрещатинским. Последний доложил Краснову, что 1-й Нерчинский полк в полном составе оставлен в Пскове «для охраны штаба» по личному приказу Командующего Северным фронтом генерала Черемисова. Десятки и сотни людей, находящихся на командных должностях и облечённых властью, настороженно выжидали. В лучшем случае, не мешали. В худшем, переиначивали приказы Краснова по своему усмотрению. Из Ревеля прибыл офицер и доложил, что начальник гарнизона приостановил погрузку в эшелоны 13-го и 15-го Донских полков «впредь до выяснения обстановки». Приморский драгунский полк в Витебске идти на соединение с корпусом отказался. О движении частей XVII корпуса, 37-й пехотной и 2-й кавалерийской дивизий по Николаевской железной дороге ничего известно не было.

Наблюдалось, скорее, как исключение и иное отношение к происходящему. Поддерживал связь с Красновым комитет Союза казачьих войск. Из Луги сообщили, что в Гатчину будет направлен эшелон 1-го осадного артиллерийского полка. Уже ночью к Краснову прибыл капитан Артифексов, командир броневозного дивизиона, расквартированного в Режице. Он также обещал прийти на помощь⁸³.

⁸² В воздух были подняты два аэроплана. Один совершил вынужденную посадку в районе Лигова, где и был задержан. Второй успешно разбрасывал над Петроградом и пригородами воззвания Керенского и приказы Краснова.

⁸³ Бронедивизион грузиться в Режице отказался. Капитан повёл его на соединение с Красновым своим ходом. На марше солдаты окончательно вышли из повиновения и попытались арестовать своего командира. Артифаксов выстрелами из револьвера убил двоих, но, оказавшийся без поддержки, вынужден был из дивизиона бежать.

Ожидая сосредоточения корпуса, Краснов выслал для охранения разведку. Один из разъездов, шедший на Пулково наткнулся на застрявший на дороге броневик «Непобедимый». Казаки атаковали, экипаж броневика бежал. К вечеру «Непобедимый» был доставлен в Гатчину. Офицеры лётной школы отремонтировали боевую машину и составили его команду.

К вечеру 27 октября Краснов в Гатчине, не считая конвоя, имел три сотни 9-го, две сотни 10-го и одну сотню 13-го Донских полков. Всего до 480 казаков при восьми пулемётах и шестнадцати орудиях. Царскосельский же гарнизон насчитывал до двадцати тысяч человек⁸⁴. Всё же Краснов решил наступать. И логика в его действиях, безусловно, была. Царскосельские солдаты вовсе не стремились попасть на фронт и воевать с немцами. И в этом смысле, поддерживали Советы и большевиков. Но, в то же время, не собирались они воевать с хоть сколько-нибудь дисциплинированной, готовой к бою частью.

Краснов созвал полковые комитеты, без понимания и сочувствия которых предприятие грозило развалиться в зародыше, высказал свои соображения. Заручившись поддержкой комитетчиков, назначил наступление на 2 часа ночи 28 октября⁸⁵.

К Царскому Селу проследовали колонной, в конном строю. В восьми верстах от города наткнулись на передовую заставу – стрелковую роту. К солдатам проехали представители дивизионного комитета во главе с подъесаулом Ажогиним. После переговоров стрелки согласились сдать винтовки. Разоружённую роту отпустили, порекомендовав переночевать в ближайшей деревне.

Уже утром вышли на окраину. Навстречу развернулась густая, не меньше батальона, стрелковая цепь. Солдаты начали постреливать. Их поддержал уже и пулемёт. Краснов развернул две сотни навстречу. Орудия снялись с передков и начали об-

⁸⁴ Эту цифру приводят советские историографы. Краснов говорит о 16000 человек в гарнизоне.

⁸⁵ В это утро около 7 часов юнкера в Москве заняли Кремль.

стрел казарм. Тем временем Коршунов с тридцатью енисейцами обошёл стрелков с фланга. Цепи отошли. За ними продвигались вперёд казаки.

Показались Царскосельские окраины и ворота Александровского парка. В нём солдаты гарнизона устроили митинг. Не обращая внимания на случайные выстрелы, вновь выдвинулись на переговоры комитетчики. Их тут же окружили офицеры и солдаты гарнизона. Переговоры на этот раз затянулись. Уже днём в сопровождении адъютанта и двух вестовых к переговорщикам подскочил Краснов и предложил во избежание кровопролития сдать оружие и разойтись по домам. Офицеры не возражали. Стрелки же разделились. Часть пехотинцев, до полка, вышли навстречу казачьим сотням и сдали винтовки. Другие, также в немалом числе, отбежали к опушке парка и попытались с левого фланга отрезать Краснова от сотен на окраине. Генерал с комитетчиками вернулся назад и тут встретил Савинкова, агитирующего среди казаков в пользу несуществующего уже Временного правительства. Они коротко поговорили и сошлись во мнении: только вперёд!

Из Гатчины пришёл починенный броневик «Непобедимый». Вместе с ним, на автомобилях – Керенский в сопровождении адъютантов и всё тех же двух поклонниц, которые были совершенно не к месту и вызвали лишь недоумение у казаков. Краснов доложил обстановку и предложил Верховному вернуться в Гатчину. Однако Керенский остановился перед толпой сдающих винтовки стрелков и, встав на сиденье автомобиля, вновь произнёс речь. Краснов приказал енисейцам сопровождать министра-председателя. Солдаты, забросив винтовки в кузов подошедшего грузовика, мирно направились к казармам.

Но у Орловских ворот парка членам Царскосельского ВРК и большевикам из солдат удалось вновь организовать оставшихся. Развернулись и пошли, окружая казаков, стрелковые цепи. Вновь завязалась перестрелка. В это время Краснову доложили, что из Павловска, угрожая правому флангу, также наступа-

ют советские части⁸⁶. Нужно было быстро решать исход боя за Царское Село. Краснов приказал артиллеристам открыть огонь. После нескольких залпов солдатская масса рассеялась. Часть из них отбыла в эшелонах на Петроград. Остальные укрылись в казармах, оружия не сдали, но и активных действий также не предпринимали.

Уже в сумерках Царское Село было занято казаками. В первую очередь, станция железной дороги, радиостанция и телефон. Глубокой ночью – дворцы.

Краснов написал позже: «Победа была за нами, но она съела нас без остатка». Надо было, используя фантастический успех, немедленно, той же ночью врываться в Петроград, но усталость взяла своё. Люди и кони за двое суток вымотались совершенно. И не только физически. К Краснову прибыли комитетчики и заявили, что без пехоты дальше не пойдут. И эти требования были оправданы. Вся стратегия сводилась к тому, что в окрестностях Петрограда сосредоточатся корпуса и дивизии, и лишь тогда войска войдут в столицу. На деле же замаячила перспектива воевать одним и в дальнейшем. И казаки всё это видели и понимали. Видели также, что их была горсть, и что все тяготы похода неизбежно ложились на одних и тех же, на тех, кто пока ещё соглашался их выносить.

За весь день 28 октября подошли три сотни 1-го Амурского полка. Однако амурцы заявили, что держат нейтралитет, «участвовать в братоубийственной войне не будут». Не доходя до Царского Села, они расположились в деревнях и отказались даже выбросить заставы для его охранения.

⁸⁶ В Смольном принимали лихорадочные меры, чтобы не допустить прорыва Краснова в Петроград. В сущности, председатель ВРК Н.И. Подвойский (именно Подвойскому приписывают идею отличительного атрибута красногвардейца – красной звёздочки на фуражке, ставшей позже символом РККА) занимался лишь одним – проталкивал всё, что можно навстречу казакам. Почему-то считалось, что основным удар Краснов нанесёт через Красное Село. В результате в нём сосредоточились 171-й и 176-й запасные, Павловский и Егерский резервные полки, отряды моряков, пулемётная команда 2-го полка и артиллерия. Всему этому Краснов мог противопоставить лишь казачьи разъезды, которые, тем не менее, не позволяли советским частям продвигаться к Царскому и Гатчине до самого конца.

В этих условиях Краснов принял решение остановиться для отдыха и рекогносцировки и назначил на 29 октября днёвку в Царском Селе. Возможно, это и погубило предприятие⁸⁷, но двигаться дальше он просто не мог. Выражали недовольство не только младшие чины, но и офицеры. Их возмущало присутствие и поведение Керенского. Его совершенная, ничуть не скрываемая оторванность, как от реальной жизни, так и от людей. Его привычка бросаться словами, даже не задумываясь о последствиях и об ответственности. Его принятые всерьёз обещания привести на помощь горсточке казаков «настоящие» войска, обернувшиеся на деле полной несостоятельностью. Требовали убрать Керенского из отряда и казаки. На счастье в расположение прибыли Войтинский и Верховный комиссар Временного правительства В.Б. Станкевич, которые в откры-

⁸⁷ В ночь на 29 октября по приказу «Комитета спасения родины и революции» в Петрограде против большевиков выступили юнкера. Руководителем был назначен всё тот же полковник Полковников. В 2 часа ночи он отдал приказ: никаких приказаний большевистского ВРК не исполнять, комиссаров арестовывать. В 4 часа утра юнкера Николаевского инженерного училища выставили патрули на улицы и начали разоружать красногвардейцев. Около 5 часов ими был захвачен Михайловский манеж и в нём пять исправных броневиков, в числе которых и «Ахтырец». К 8 утра без боя была занята Центральная телефонная станция, и сразу же отключены все телефоны в Смольном. Одновременно вооружились и пытались вести активные действия и другие военные училища. Однако в выступлении приняло участие всего лишь чуть более 800 человек. За исключением батальона ударников во Дворце Кшесинской оно не было поддержано ни частями гарнизона, ни казачьими полками. К середине дня выступившие военные училища были окружены и подвергнуты артиллерийскому обстрелу. В 16 часов после ожесточённого боя сдалось Владимирское училище. Ещё ранее – Павловское и ударники. Полковник Полковников, чей штаб находился в инженерном училище (здание Инженерного замка), высказался в том смысле, что «нужно ликвидировать замок и расходиться, кто куда может». Сам он первым же и скрылся, не оставив никаких распоряжений. Инженерный замок после незначительной перестрелки сдался. Постепенно разоружались юнкерские патрули и задерживались захваченные ими броневики. К 17.30, оказав упорное сопротивление, сдались юнкера, защищавшие телефонную станцию.

Большевикам удалось избежать боя на два фронта. На первый взгляд это случайность. Но, если вдуматься, объективно всё было за «ленинцев». И их успех предопределён не вынужденной днёвкой Краснова, а ничтожным числом бойцов и частей, которые ещё готовы были сражаться за «законную» власть.

том общении призвали казаков не отказываться от наступления на столицу.

К Краснову зашёл Савинков. Проинформировал, что беседовал с офицерами и предложил генералу сместить и арестовать Керенского и стать во главе похода самому. Краснов отказался, не задумываясь. Всё и так было авантюрой чистой воды. Отстранение Керенского, ничего не прибавив, оттолкнуло бы многих и окончательно сорвало с предприятия даже и видимость законности. Всё решалось на самом деле лишь одним. Подойдёт или нет на помощь крупная часть. К тому же, Керенский на положении гостя был у Краснова под защитой, и генерал не хотел предательством поставить под сомнение не запятнанную в сражениях Великой войны репутацию. Керенский после уговоров согласился уехать в Гатчину, где штаб корпуса успел уже развернуть связь с фронтом и Ставкой.

Всё внимание Краснова было уделено усилению отряда. Прибывали группами юнкера из Петрограда. Прибыла с одним лишь холодным оружием запасная сотня Оренбургского сводного полка. К вечеру высадились, наконец, в Гатчине три сотни 9-го Донского. Присоединились к отряду блиндированный поезд с командой и два орудия запасной конной батареи из Павловска, наполовину без прислуги. Из всего Царскосельского гарнизона не присоединился ни один человек. Краснов разговаривал с офицерами, они пытались вывести солдат. Но резолюции стихийных митингов были неутешительны. Удалось добиться лишь обещания, «что не ударят в спину». Не оказала поддержки и находившаяся здесь же распропагандированная пулемётная команда 14-го Донского полка. Переговоры дивизионного комитета с пулемётчиками вылились в бесконечный спор людей, говоривших на разных языках⁸⁸.

К вечеру Краснов имел девять конных казачьих сотен при восемнадцати орудиях, до взвода юнкеров, блиндированный поезд и броневик «Непобедимый». Керенский, Савинков и Станкевич требовали наступать. По их сведениям восстание

⁸⁸ Пулемётчики даже выразили удивление, что в составе комитета присутствуют и офицеры.

против большевиков в столице было в самом разгаре⁸⁹, а казачьи полки, вместе с преображенцами и волынцами ждали лишь, когда корпус войдёт в столицу с юга. Доводы их показались Краснову не лишёнными здравого смысла. Гражданская война, только ещё завязывающаяся, не была войной в полном смысле этого слова. Здесь всё решало не только соотношение сил и средств, но, прежде всего решимость, твёрдость и переменчивое настроение солдатских масс. Если солдаты Петроградского гарнизона настроены были столь же «решительно», как и Царскосельцы, войти в город даже и с наличными незначительными силами представлялось возможным. А там уже могло случиться, что угодно. От мгновенного разгрома на улицах до выступления в поддержку корпуса означенных Керенским полков.

Вечером к Краснову прибыли представители дивизионных комитетов. До крайности смущённый подъесаул Ажогин подтвердил, что без пехоты казаки вперёд не пойдут. Более того, было сказано, что раз пехотные части не подходят, значит, все они за большевиков. Краснов откровенно высказал свои соображения. Заверил комитетчиков, что если не было бы шанса, он бы их очертя голову не повёл. Предложил произвести разведку боем, и если и в самой столице никто не поможет, отойти. Комитетчики сдались, заверив, что приказы генерала будут исполняться в точности. Настроение в сотнях, было, конечно, уже не то.

– Не придёт эта помощь! Все против нас! – с тоскою сказал кто-то из казаков.

Всю ночь казачьи заставы под Александровской станцией перестреливались с матросами. Ночью же отряд матросов из Красного Села вышел к железной дороге и обстрелял поезд, шедший с Осадным артиллерийским полком из Луги. Видимо, решимости драться у артиллеристов не было. Они остановили эшелон и частью сдались, а в большинстве просто рассеялись кто куда. Матросы начали снимать с орудий замки. Лишь под прикрытием огня с подошедшего бронепоезда, удалось их ото-

⁸⁹ На самом деле выступление юнкеров было подавлено к концу дня.

гнать и отвести своими уже силами эшелон с орудиями обратно в Гатчину.

Ранним утром 30 октября прорвавшийся из Петрограда гимназист передал Краснову крошечный клочок бумаги, на котором стоял бланк Союза казачьих войск, и мелким почерком было написано:

«Положение Петрограда ужасно. Режут, избивают юнкеров, которые являются пока единственными защитниками населения. Пехотные полки колеблются и стоят. Казаки ждут, пока пойдут пехотные части. Совет Союза требует вашего немедленного движения на Петроград. Ваше промедление грозит полным уничтожением детей-юнкеров. Не забывайте, что ваше желание бескровно захватить власть – фикция, так как здесь будет поголовное истребление юнкеров...»

Краснов предъявил записку казачьим представителям. Казалось, казаки приободрились. Днём, разбросав по сторонам разведку, двинулись на Пулково. Блиндированный поезд осторожно продвигался по Варшавской ветке на Петроград. У деревни Редкое Кузьмино перед оврагом остановились в виду позиции советских войск. Пулково было – как на ладони. Склоны Пулковской горы изрыты были окопами, заполненными многими тысячами красногвардейцев. Здесь были уже не солдаты-пехотинцы. В центре рабочие дружины, по флангам отряды матросов⁹⁰. Три броневика, ободряя пехоту, курсировали по шоссе. Густые советские цепи спускались от Пулковской горы навстречу спешившимся казачьим сотням. Перестрелка шла уже вовсю.

Напрашивался обходной манёвр. Но необходимость удерживать ветку Царское – Гатчина, угроза левому флангу со стороны вновь активизировавшейся Красносельской советской груп-

⁹⁰ Руководил советскими отрядами назначенный 29 октября Командующим войсками Петроградского военного округа полковник М.А. Муравьёв (с 30 октября – Командующий «всеми войсками, действующими против контрреволюции»), его начальник штаба командир 2-го стрелкового Царскосельского полка полковник П.Б. Вальден. Принимал участие в организации обороны Пулкова член Комитета по военным и морским делам при СНК В.А. Антонов-Овсеенко. Координировал подход отрядов Балтийских моряков к Пулкову и Красному Селу председатель «Центробалта» П.Е. Дыбенко.

пировки, а главное, катастрофическая нехватка сил и средств, делали его невозможным. Краснов приказал выставить за деревней орудия и их огнём сдерживал противника. Один из разрывов накрыл советский броневик. Команда его покинула боевую машину, и та остановилась на дороге. На левом фланге казаки-пулемётчики оттеснили красногвардейцев до деревни Сузи. Однако очевидно было, что красногвардейцы решили обороняться, никаких митингов у Пулково не будет, и одним лишь артиллерийским огнём их с позиций не собьёшь. На то, чтобы выдавить противника с укреплённой позиции, просто не было сил.

Задуманную рекогносцировку можно было считать завершённой, но Краснов не торопился выходить из боя. Он рассчитывал, что гром орудий под самым Петроградом станет сигналом, если не для солдат гарнизона, то хоть для расквартированных в столице трёх Донских казачьих полков. И они выступят на помощь. Понимал генерал, что на это даже и в самом благоприятном случае потребуется время, и решил держаться до вечера.

Около полудня от дозорных прибыло донесение, что от Московского шоссе в тыл отряду движется колонна солдат Измайловского полка в несколько тысяч штыков. Навстречу Краснов выслал тридцать казаков и бронепоезд. После первого же орудийного выстрела полк в полном составе рассеялся. Под впечатлением этой «победы» командир Оренбургской сотни атаковал по собственной инициативе деревню Сузи. Рабочие частью дрогнули, матросы же проявили стойкость и встретили атакующих ружейно-пулемётным огнём в упор. Атака захлебнулась. Погибли командир сотни и ещё 18 оренбуржцев. Дело было, конечно, не в потерях, не столь и значительных. Неудача подействовала на казаков угнетающе.

Вскоре матросы установили на Пулковской горе прибывшее дальнобойное морское орудие. Оно открыло огонь по цепям, по коноводам и по шоссе в тылу. Несколько снарядов разорвалось в близости от Царского Села, что мгновенно изменило к худшему настроение солдат гарнизона. Они приняли резолюцию,

в которой требовали прекращения боя, угрожая в противном случае, ударить корпусу в тыл. Выставили у артиллерийского склада многочисленную команду, которая заявила посланным за боезапасом казакам, что гарнизон, соблюдая нейтралитет, никому ни снарядов, ни патронов не выдаст.

Батареи смолкали одна за другой. В сумерках казаки самовольно начали покидать позиции. Матросы, более не сдерживаемые, перешли в наступление и выходили уже к Варшавской железной дороге, к Царскосельской станции, в тыл.

Помощи не было, и с каждым часом лишь очевиднее становилось, что её и не будет. В одной из пустых дач Краснов написал приказ 3-му конному корпусу об отступлении. Отходили сразу на Гатчину, так как Царское Село, с его огромным парком и ненадёжным гарнизоном оборонять ничтожными наличными силами было невозможно.

В час ночи 31 октября Краснов прибыл в Гатчинский дворец, и прямо сказал, что если помощь не придёт, придётся уходить. Деморализованные сотни 9-го Донского полка рыть окопы и занимать оборону отказались. Выручили подошедшие накануне из Острова две сотни 10-го Донского, перекопавшие и перекрывшие все дороги.

Прибыли с предложением о мирном договоре с большевиками представители «Викжеля»⁹¹. В дворцовой гостиной в присутствии Краснова, начальника штаба полковника Попова и подьесаула Ажогина долго совещались Керенский, Станкевич, Войтинский и Савинков. Против мира с большевиками определённо высказывался один лишь только Савинков. На вопрос, способен ли корпус обороняться в Гатчине, Краснов ответил, что в одиночку, с учётом морального состояния казаков – нет. Керенский высказывался в том смысле, что если хоть один большевик войдёт в правительство, работать с ним будет невозможно. Как будто кто-то ещё о чём-то его спрашивал... Решили всё же условия «Викжеля» принять, в связи с чем в Петроград выезжал Станкевич. Савинков направился в расположение

⁹¹ Всероссийский комитет железнодорожников. В нём большевики были в меньшинстве.

Польского корпуса, который по его сведениям готов был драться. Войтинский – в Ставку за ударными батальонами.

Между тем, в свои переговоры вступили и комитетчики. К ним прибыли большевистские агитаторы и предложили договориться с казаками «через головы генералов». По просьбе казаков Краснов составил текст возможного договора:

- большевики обязуются прекратить всякие бои в Петрограде и амнистируют захваченных юнкеров и офицеров;
- войска отводятся на оговоренные рубежи под Петроградом;
- стороны до окончания переговоров правительств указанную линию не переходят; в случае срыва переговоров и перехода демаркационной линии, обязуются предупредить об этом за 24 часа.

С этими мирными предложениями казачьи парламентёры направились в Царское Село. Свою текстовку составил и Керенский. Её повёз на автомобиле один из его адъютантов капитан Кузьмин.

В 3 часа ночи 1 ноября прибыл с переговорщиками в сопровождении одного матроса П.Е. Дыбенко. Пройдя в казармы, он умело и тактично начал агитировать казаков, убеждая их прекратить сопротивление. При этом держался уверенно и более чем раскованно. Легко и к месту шутил.

– Давайте нам Керенского, а мы вам Ленина предоставим, хотите ухо на ухо поменяем! – говорил он, смеясь⁹².

Своей открытой, располагающей внешностью, своей внутренней силой и молодым задором он к середине дня почти уже очаровал как казаков, так и офицеров. Тут вдруг стало известно о присланной Савинковым телеграмме. В ней говорилось, что батальоны ударников следуют в эшелонах на помощь и к вечеру бу-

⁹² Эту фразу можно найти в воспоминаниях Краснова. Понятно, что упоминаний об этих словах лихого Председателя «Центробалта» ни в советской историографии, ни в мемуарах самого Дыбенко нет. Однако надо полагать, об этой вскользь и всуе оброненной шутке репрессированный Нарком лесной промышленности Павел Ефимович Дыбенко пожалел в 1938 г. на первом же допросе.

дут в Гатчине⁹³. Растерянные казаки вновь заколебались и предъявили Дыбенко ультиматум. Они потребовали тут же «подписать договор, в котором казаки отказываются от вооруженной борьбы... но с тем, чтобы их пропустили на Дон и Кубань с оружием в руках». Взвесив все обстоятельства, Дыбенко договор подписал.

Тут же казаки единогласно приняли постановление об аресте Керенского. К Краснову ворвался комитет 9-го Донского полка во главе с войсковым старшиной Лаврухиным. Казаки настаивали на немедленной выдаче Керенского. После недолгого спора Краснов согласился, чтобы комитетчики выставили свой караул у дверей апартаментов Верховного. Когда они ушли, Краснов прошёл к Керенскому и предложил ему, пока ещё не поздно, покинуть расположение корпуса. Двор уже полон был казаками, переговорщиками от «Викжеля» и прибывающими понемногу от большевиков матросами. Однако дворец имел множество выходов, а часовые стояли только у парадного входа.

– Как ни велика вина ваша перед Россией, – сказал на прощанье Краснов, – я не считаю себя вправе судить вас. За полчаса времени я вам ручаюсь.

Генерал, по его словам, сделал так, чтобы караул от 9-го Донского определённое время собрать не могли. А когда, наконец, собрали и пошли осматривать помещение, Керенского во дворце уже не было⁹⁴.

⁹³ Ударники подошли в эшелонах к Гатчине на рассвете 3 ноября. После переговоров с Дыбенко от боевых действий отказались и выслали в Петроград делегатов «для ознакомления с событиями».

Куда большую стойкость проявила команда поддерживающего Краснова бронепоезда. Когда всё было уже кончено, бронепоезд попытался прорваться на Дон. Лишь южнее станции Бологое у села Куженкина, благодаря поддержке разобравших пути солдат одного из запасных полков, команда бронепоезда была разоружена сводным красногвардейским отрядом под началом командира 428-го Лодейнопольского стрелкового полка полковника Потапова, следовавшим на помощь Москве. Позднее бронепоезд был задействован Советским командованием в боях с Калединым.

⁹⁴ Керенский в своих мемуарах утверждал, что Краснов не только не помог ему скрыться, но и собирался выдать большевикам. Если вдуматься, скорее следует верить Краснову. Ведь пожелай генерал «откупиться» Керенским, вряд ли что-то ему бы помешало. Уж во всяком случае, казаки были бы только рады, и такой приказ выполнили с усердием и незамедлительно.

Этот эпизод завершил его участие в Российской истории⁹⁵.

Александра Фёдоровича забросило на самый верх лихое время. Оно же без сожаления столкнуло его с политического Олимпа. Сама специфика Временного правительства, которое так активно занималось обсуждениями и разговорами и так робко бралось за разрешение нарастающих с ужасающей быстротой проблем, сделало возможным приход Керенского во власть. Его неординарность, несомненные ораторские способности, склонность к позе в защитном френче не могли остаться незамеченными.

В благополучной небольшой стране, где государственные институты и экономика *работали и сами по себе*, такой человек, возможно, и пришёлся бы ко двору. Он был неплох в марте, ещё приемлем в июле и даже августе. Но усталой, задыхающейся, разуверившейся во всём России образца осени 1917 г. требовалось уже нечто совершенно иное. Александр Фёдорович прекрасно это чувствовал и понимал, но власть влекла его своим блеском, и не отпускала. Все метания его между Корниловым и Советами, всё дальнейшее, бессмысленное и обречённое, легко перевесил бы в памяти потомков своевременный уход.

Но Керенский не решился и на это. И в результате от него отвернулись все. Он долго ещё не верил, что всё осталось в прошлом, всё пытался приткнуться то к Каледину⁹⁶, то даже к чехословакам в Сибири. Но тщетно. В одночасье выяснилось, что Александр Фёдорович был узнаваем исключительно, как лицо, олицетворяющее верховную власть. А сам по себе никому уже не был интересен. Свой шанс Керенский не упустил. Он от него с гадливым страхом отвернулся...

⁹⁵ В ночь на 1 ноября Барановский доложил в Ставку Духонину о провале выступления Краснова и запросил, что делать с выдвигаемыми на Гатчину частями. Духонин ответил, что вступает в должность Главковерха, и все войска, направленные на помощь Краснову, приказал сосредоточить в районе Луга – Плюсна – Передольская. Частям 3-го конного корпуса предписывалось из соприкосновения с войсками Петроградского гарнизона выйти и отойти в район Чудова.

⁹⁶ В ноябре 1917 г. Керенский в сопровождении бывшего военного губернатора Ростова генерала Д.Н. Потоцкого прибыл в Новочеркасск. Однако он не был принят ни Богаевским, ни Калединым и покинул город.

Краснов же при всём при том, при всех его промахах, неоднозначности убеждений и характера оставался ещё востребованным.

К Гатчинскому дворцу между тем подтянулся Финляндский пехотный полк. За ним следовали отряды матросов и красногвардейцев. В Гатчине скопилось до двадцати тысяч советских войск, среди которых совершенно растворились деморализованные куцые казачьи сотни. Перемирие обернулось тем, что казаки, по сути, оказались в плену. Начались неизбежные стычки, но к чести Дыбенко и прибывшего с матросами М.Г. Рошля⁹⁷, все эксцессы и недоразумения они тут же пресекали на корню. По чьей-то инициативе разоружили было одну из сотен 10-го Донского полка. Но стоило лишь Краснову указать на нарушение перемирия, оружие тут же вернули.

Уже ночью в Гатчину прибыл Муравьёв и сразу же попытался арестовать Краснова. Однако дивизионные комитетчики, во главе с измученным от усталости и бессонницы Ажогиним, своего командира в обиду не дали. Пристыженный Муравьёв даже извинился. Вскоре все сидели покоем и за столом мирно вспоминали, кто и с кем вместе служил, разбирали детали боя у Пулковских высот.

Прибыл Дыбенко, предложил Краснову с утра выехать в Петроград для переговоров по поводу того, что же всё-таки делать с казаками. Генерал вынужден был согласиться. Его взялись сопровождать полковник Попов и один из офицеров.

В Петрограде Краснова не расстреляли. В Смольном так и не решили, как с ним поступить и, в конце концов, отпустили. С одной стороны, большевики не хотели конфликтовать с казаками⁹⁸, а расстрел популярного казачьего генерала с незапятнанной фронтовой репутацией вполне мог такой конфликт

⁹⁷ Секретарь Гельсингфорского комитета РСДРП(б).

⁹⁸ Казаки и казачьи области ни на минуту не оставались вне зоны внимания большевиков. В последних числах октября Ленин принял в Смольном делегатов 4-го Донского полка А.Я. Антюфеева и И.В. Акимова и вновь выбранного командира 2-го Донского Е.И. Попова. 4 ноября при ВЦИК была создана казачья секция (казачий комитет), одним из организаторов которой был В.С. Ковалёв.

спровоцировать. С другой стороны, после напряжения первых дней всё вдруг стихло. Выяснилось, что, по крайней мере, в центре советской власти ничто уже не угрожает. Да и казаки повели себя точно так же, как и хлынувшая с фронта пехота. Различие состояло лишь в том, что солдаты расходились с фронта неорганизованными толпами, а казачьи полки всё же сотнями, при офицерах, оружии, даже артиллерии⁹⁹.

Но как те, так и другие, одинаково стремились домой, одинаково воевать ни с кем и ни за что больше не желали. Одинаково для новой власти никакой опасности уже не представляли.

Краснова в конечном итоге просто отпустили¹⁰⁰.

9 ноября Краснов с женой прибыл в Великие Луки. Здесь же в эшелонах стоял, ожидая отправки на Дон, 10-й Донской полк. Казаки сразу же заявили адъютанту, что с собой генерала не возьмут, так как это может привести к столкновению с большевиками.

Разложение уже коснулось и их, только что шедших на Петроград защищать избранную власть. Это был лучший полк корпуса, с которым Краснов прошёл Великую войну с 1915 г. Мобилизовать его для борьбы с кем бы то ни было, за какую угодно идею, было невозможно. Всё свелось к одному, какой угодно ценой ехать по домам. Краснов отправил Каледину письмо, в котором поделился своим опытом и наблюдениями. Выводы его были неутешительны. Донские полки в нынешнем их состоянии воевать против большевиков даже и «за свободу Дона» не станут. Необходимо их как можно скорее распустить и провести мобилизацию среди не успевшей хлебнуть войны казачьей молодёжи.

12 ноября 1-я Донская казачья дивизия начала выдвижение

⁹⁹ Дивизионный комитет оставался всё время в Петрограде, добился соглашения о свободном проезде частей корпуса на Дон, освобождения всех арестованных офицеров корпуса. Да и судьба самого Краснова вполне могла сложиться и иначе, если бы не участие комитетчиков.

¹⁰⁰ Широко распространилось утверждение, что генерал при этом дал Н.В. Крыленко слово, в дальнейшем против Советской власти не воевать. Сам Краснов в мемуарах ни о чём подобном не упоминает. Проверить достоверность этого эпизода по прошествии стольких лет вряд ли представляется возможным.

на Дон. Уссурийская дивизия добилась своей отправки на Дальний Восток. Краснов пытался передать имущество корпуса Каледину, но без особого успеха. 11 января 1918 г. все корпусные деньги были сданы в Великолукское казначейство. 3-й конный корпус прекратил своё существование.

Вскоре развернулись бои под Чертково. Время заигрывания с донскими казаками закончилось, сменившись объявлением вне закона Каледина и Краснова. Не без сложностей, через Москву и Царицын вернулся Пётр Николаевич домой. Ночью 31 декабря в ст. Богаевской, где от ранее служившего под его началом офицера узнал о самоубийстве Каледина. 1 (14) февраля 1918 г.¹⁰¹. Краснов прибыл в Новочеркасск. Увидев, что там «то же самое», разочаровавшись в казаках, разуверившись в перспективах дальнейшей борьбы с большевиками, он укрылся с женой в ст. Константиновской.

Где и проживал. До поры...

2.3. Октябрь на Дону

26 октября 1917 г. радист яхты «Колхида»¹⁰² принял сообщение с «Авроры» о падении Временного правительства и смене власти в Петрограде. В тот же день на заседании Ростово-Нахичеванского Совета было принято постановление о признании Советской власти и избрании Военно-революционного комитета¹⁰³. Вслед за этим, казалось бы, должны были последовать действия по реальному захвату власти, по крайней мере, в

¹⁰¹ В 1918 г. декретом СНК в России был введён Григорианский календарь, согласно которому вслед за 31 января наступало сразу 14 февраля. Здесь и далее, начиная с 1 февраля 1918 г., указаны даты как по старому, так и по новому (в скобках) стилю.

¹⁰² Переоборудованная в октябре 1914 г. в Севастополе под посыльное судно Черноморского флота, вооружённая тремя 75-миллиметровыми орудиями, оснащённая радиостанцией, бывшая царская яхта «Колхида» в Ростове находилась на ремонте. Экипаж яхты был настроен революционно. За участие яхты в Октябрьских событиях и последующих боях в Ростове её называли «Донской Авророй».

¹⁰³ Был создан 28 октября во главе с председателем Сырцовым.